

**Постсоветская белорусская историография (1991–2004)
о развитии страны в XVI столетии¹**

Развал Советского Союза и образование новых самостоятельных государств сопровождается весьма существенными переменами в исторической науке – и в России, и в других государствах постсоветского пространства.

В каждом из новых государств эти перемены обладают “национальными” особенностями. Прежде всего меняется тематика исследований. В России на первый план выходят история церкви, прежде всего православной, правящих династий – Рюриковичей и Романовых. Для сопредельных государств, в особенности западных и северо-западных важнейшее значение приобретает история их прошлых взаимоотношений с Русью, Княжеством (Государством) всея Руси, Российским царством и Российской империей² и изучение истории собственной государственности или, если таковая отсутствовала, конструирование ее мифического образа (это характерно для некоторых направлений украинской и белорусской историографии). Как правило, занятия историей государственности вольно или невольно служат созданию национально-государственного мифа. Однако наряду с новыми мифологемами возникают и вполне здравые концепции. В белорусской историографии они отчетливо

---

¹ При написании статьи огромную помощь оказал А.Н. Янушкевич, снабдивший автора основательной библиографией по истории внешней политики ВКЛ до конца XVII в. и текстом до сих пор не опубликованной кандидатской диссертации. Без его щедрого содействия занятия этой темой были бы невозможны. Во время пребывания в Минске 16–25 августа 2004 г., организованного при содействии Л.Е. Горизонтова (Москва) и А.В. Морозова (Минск), автор пользовалась библиографической и “скорой книжной” помощью В.А. Воронина, Г.Я. Голенченко, А.И. Груши, В.С. Менжинского, Г.Н. Сагановича.. Всем им искренняя благодарность автора.

² Именно эта тема и является центральной в настоящем обзоре.

прослеживаются в работах, посвященных внешней политике ВКЛ. А.Н. Янушкевич подчеркивает, что в XVI в. процесс создания наций еще не завершился, и самоидентификация происходила на основе государственной принадлежности³.

Переориентация белорусской историографии

Переориентация белорусской науки в период государственной самостоятельности конца XX-начала XXI в. сопровождалась освоением достижений польской, литовской и белорусской (как до 1917 г., так и 20-х годов XX в.) историографии. Оно происходило в трех формах. Хронологически первой оказалась популяризация предшествующих достижений⁴, ибо пересмотр традиций советского времени начался с научно-популярных работ о дипломатах и военных деятелях ВКЛ (И.А. Саверчанко об Остафии Воловиче и Льве Сапеге, Г.Н. Сагановича - о Константине Острожском, все - 1992 г.) и продолжен в научных (В.И. Кононович о Михаиле Боговитиновиче Богуше в 1999 г.⁵), идущих в русле польской историко-биографической традиции. Правда, новейшие работы И. Грали остались почему-то почти невостребованными в Белоруссии. Наряду с научно-популярными работами белорусских историков

---

³ Янушкевич А.Н. Першая інфлянцкая вайна 1558-1570 гг. і яе уплыў на развіццё сацыяльна-палітычных працэсаў у Вялікім княстве Літоўскім. (Первая Ливонская война 1558-1570 гг. и ее влияние на развитие социально-экономических процессов в ВКЛ). Мінск, 2001. Заключение

⁴ В.И. Бобышев считает, что методологические основы польских и российских исследователей - не только объект критического анализа, но и основание для создания собственной традиции в сфере изучения международных отношений (Бобышев В.И. К вопросу изучения международных отношений в Восточной Европе XVI в. в белорусской историографии // Внешняя политика Беларуси в исторической ретроспективе. Материалы международной научной конференции 24-25 мая 2002 г. Мн., 2002. С. 13).

⁵ Канановіч У. Богуш Міхал Багавіцінавіч -вялікакняжацкі дыпламат Жыгімонта Старога // Штогоднік. Інстытут гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Беларусі. Мн., 1999. С. 31-39.

издавались попросту и переводы польских работ⁶, в частности посвященные матримониальным союзам Александра с Еленой Ивановной и Сигизмунда Старого с Боной Сфорца, имевшим непосредственное отношение к международным отношениям XVI в.⁷.

Второй формой стал ввод в оборот историков конца XX-начала XXI столетий более ранних (но недоступных историкам советского времени)⁸ или неопубликованных белорусских и литовских исследований (в частности, по истории Литовской метрики⁹, содержащей многочисленные сведения обо всех формах внешних сношений)¹⁰.

Третья – высшая форма историографической работы представлена немногочисленными обзорами, в основном по истории внешнеполитических отношений. Среди них стоит назвать работы В.И. Бобышева, того же Бобышева и

---

⁶. В том числе Эдварда Рузского о польских королях и королевах, женах Пястов и Ягеллонов. Ruzski E. Polskie krolowie. Zony Piastow I Jagiellonow. Warszawa, 1985.

⁷ Сокращенные переводы анонима глав, посвященных этим женщинам, см.: Спадчына. 1994. № 1. С. 55-64; № 2. С. 35-49.

⁸ Станкевіч Я. Этнографічныя й гісторычныя тэрыторыі й граніцы Беларусі. New York, 1953. Работа содержит весьма существенные для трактовки внешней политики литовских князей "сведения" о территории и Белоруссии, и ВКЛ (Там же. С. 18-24). Карта показывает "современную" этнографическую границу следующим образом: чуть севернее Пскова, южнее Порхова, восточнее Осташкова на оз. Селигер, западнее Зубцова и Волоколамска, Медынь, Калуга (перерыв до Белева), западнее Кром, Льгова, севернее Конотопа, Киева и на запад до Любеча и Берестья, на север от Седльце через Бельск и Кнышин до литовской границы.

⁹ Даугяла З. Литовская мэтрыка I яе каштаунасьць для вывучэння мінуучыны Беларусі / Прадмова К. Езавітава // Спадчына. 1997.и№ 4. С.85-95

¹⁰ Сюда же можно отнести трактовку истории Литовско-Белорусского государства на конференции в Париже 1919 г., предложенную ведущими историками того времени, в том числе и В. Ластовским (Архівы Беларускай народнай рэспублікі. Т.1. Кн. 1. Вилня, Нью-Ерк, Менск, Прага, 1998. № 1170. С. 321-323.

О.Яновского и А.Н. Янушкевича. Работы первого и последнего авторов посвящены белорусской историографии – В.И. Бобышева по общей проблеме международных отношений в Восточной Европе XVI в., а А. Янушкевича – конкретно внешней политике ВКЛ XIV–XVIII вв. Авторы подходят к своим темам во всеоружии также польской биографо-политической историографии¹¹. Несмотря на наличие таких работ историографическая струя, пожалуй, самая слабая. До сих пор нет серьезного разбора русскоязычных работ советского периода, хотя некоторая критическая оценка традиций советской, в том числе и белорусской историографии, иногда звучит. Не секрет, что советская историческая наука (в которой указанная тематика отнюдь не принадлежала к приоритетным темам) стыдливо замалчивала тот факт, что белорусский народ, неизменно обозначавшийся как “братский”, оказывался жертвой кровавых конфликтов двух крупнейших восточноевропейских держав – Великого княжества Литовского, а с 1569 г. Речи Посполитой, в пределы которых входила Белая Русь, и Великого княжества (Государства) всея Руси, а с 1547 г. – Российского царства, каждая из которых претендовала на все земли Руси домонгольского времени¹². В аналогичном положении жертвы собственной “государственной” политики находился и русский, с начала XVII в. именовавшийся великорусским, народ¹³.

---

¹¹ Бобышев В., Яновский О. Международные отношения в Восточной и Центральной Европе XVI в, в интерпретации польской историографии // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 1999. № 2. С. 40–43.

¹² Старательное перечисление этих войн читатель может найти в обобщающем труде-сборнике документов “Гістарычны шлях беларускай нацыі і дзяржавы”, подготовленном Вл. Орловым, А. Грицкевичем, В. Кипелем, П. Лойко, И. Саверченко (Мн., 2001. С. 125)

¹³ См., например, новгородские писцовые книги, пятитомную публикацию которых подготовил К. В. Баранов в 1999–2004 гг.

Публикации и источниковедение

Наряду с этим происходит возвращение к самим основам науки о прошлом, которое происходит в двух формах – публикации источников, в особенности тех, издание которых было прекращено в советский период, и источниковедения, методика которого усложняется и углубляется, обогащаясь новейшими достижениями мировой историографии.

Эти тенденции, порой противоположно направленные, легко проследить при анализе белорусской постсоветской историографии. За прошедшие полтора десятилетия она, казалось, безнадежно отстававшая от общеевропейского уровня, проделала головокружительные перемены. Прежде всего они коснулись кадрового состава. Место партийных функционеров, приставленных партией к исторической науке только для того, чтобы проводить “линию партии и правительства”, заняли профессионалы. Задача ликвидации отставания науки от современной науки соседних стран, четко сформулированная В.П. Грицкевичем¹⁴, требовала достаточного времени, перестройки образования и подготовки соответствующих специалистов (тем не менее уже сейчас ощутимы результаты деятельности в этом направлении). Специальной подготовке нового поколения историков могли бы позавидовать историки любой европейской страны – знание древних языков (в том числе латыни и старобелорусского, – украинского и – русского) совмещается с овладением палеографией и других вспомогательных исторических дисциплин, в результате совершенствуется методика, переживает расцвет источниковедение, сложились предпосылки для подъема археографии.

Расширение источниковой базы происходит, к сожалению, довольно медленно. Прежде всего следует указать издание В.С. Менжинским и А.И. Грушей двух книг записей Литовской метрики (соответственно 28-ой 1522-1552 гг. и 44-ой 1559-

---

¹⁴ Грицкевіч У. [П]. Як пераадолець адставанне гістарычнай навукі Беларусі? // Беларусіка- Albaruthenica. Мн., 1993. С. 100-104.

1566 г.), в которых наряду с актами внутренней истории ВКЛ содержатся и материалы, касающиеся дипломатических отношений ВКЛ и окрестных государств (Крымского ханства, Великого княжества всея Руси, Молдавии) и истории войн, протекавших на белорусских землях. Характеристику подобных материалов книги № 28 дал В.С. Менжинский¹⁵. Он отметил, что документы книги представлены многими типами и разновидностями – от опасных и верительных грамот до договоров-шертей. Важно, что некоторые документы отражают непосредственное влияние дипломатических отношений на развитие городов ВКЛ, в особенности тех, что находились на торном пути послов, в частности, Орши.

Публикация новых источников происходит одновременно с переводами внешнеполитических документов¹⁶. Для изучения отдельных аспектов темы М. Жарких и О.Э. Проценко привлекают записки иностранцев (Сигизмунда Герберштейна, Михалона Литвина, Рейнгольда Гейденштейна). А.А. Семенчук восстановила ливонский период биографии польского хрониста М. Стрыйковского. Дипломатический протокол также не остался обойденным. Современные авторы пытаются применить к памятникам дипломатической истории новейшую методику, в том числе и дипломатику (О.И. Дзярнович, В.И. Кононович¹⁷). Общую характеристику протокола дипломатической переписки дал А.А. Яновский, который тщательно проследил перемены тональности посланий великого князя всея Руси и русского царя, с одной стороны, и глав Речи Посполитой, с другой, в зависимости от

---

¹⁵ Менжинский В.С. Дыпламатычныя дакументы кнігі Метрыкі ВКЛ № 28 // Беларусь і свет. Альманах. Т. II. Мн., 2000. С. 15–21).

¹⁶ В частности А.И. Дзярнович издал послание польского короля Сигизмунда Старого императору Максимилиану I, охарактеризовав его как "гибрид" акта и записи посольской речи. Думается, точнее определить данный акт как инструкцию (в практике Великого княжества всея Руси – наказную память послам), текст которой должен был быть озвучен послом на переговорах с императором, как полагает автор, в Аугсбурге в 1518 г.

¹⁷ Правда, на материале более раннем (Канановіч У.І. Appellatio у дыпламатычным фармуляры канца XIV-першай паловы XV ст. // Беларусь і свет. Альманах. Т. I. Мн., 1999. С. 12–18).

реального положения военных дел¹⁸. Некоторые замечания о сходстве и различиях дипломатического "московского", и "литовского" протокола, носивших "общеевропейский характер", и их восточных и европейских традициях обсуждает И.В.Царик. Автор подчеркивает наличие института постоянных послов-резидентов в Короне Польской, отсутствовавшего в практике "Московского" государства, дипломатия которого отличалась "оказиональным" характером¹⁹.

В ряде сочинений можно найти характеристику различных видов источников²⁰, прежде всего нарративных²¹, среди

---

¹⁸ Яноускі А.А. "Вайна нервау", ці характар дыпламатычнай перапріскі паміж ВКЛ І Масковскай дзяржавай у XVIст. // Беларусь І І свет. Аліманах. Т.І. Мн., 1999.

¹⁹Царик И.В. Дипломатический протокол Московского государства и Великого княжества Литовского на рубеже XV-XVI вв. (сходство и различие).

²⁰ К сожалению, на специальной конференции по источниковедению не оказалось докладов, посвященных анализу документов по международным отношениям (Гістарычныя крыніцы: праблемы класіфікацыі, вывучення і выкладання. Мн., 23-24 красавіка 1998 г. материалы да Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвячанай 120-годдзю з дня нараджэння У. І. Пичэты. Мн., 1998). Впрочем, если причислить к ним мытные и таможенные книги (Каун С.Б. Мытные и таможенные книги ВКЛ и России XVI-XVIII вв.: результаты сравнительного анализа// Там же. С. 88-89), Литовскую метрику (Галенчанка Г.Я. Метрыка Вялікага княства Літоускага: гісторыя і стан захавання; Галубовіч В.У. Некаторыя завагі адносна кнігі № 85 метрыкі Вялікага княства Літоускага// Там же. С. 125-126; 126-127), ливонские документы, правда более раннего времени (Жлутка А.А. Лівонскія дакументы і адлюстраванне у іх гістарычных падзеях на беларускіх землях у XIII-XIV ст. // Там же. С.132-133) и хронику Б. Ваповского (Михайловская Хроника Бернарда Ваповского как исторический источник // Там же. С. 166-167), то картина покажется не столь безотрадной.

²¹ Сагановіч Г. Беларусь в інфлянцкіх хроніках XIII-XVI ст. // Спадчына, 1996. № 5. С. 52-57. Следует особо отметить цикл статей А.А. Семенчук, посвященный польским хронистам, уделявшим значительное внимание международным отношениям. Речь идет в первую очередь о

которых особое внимание привлекли так называемые летучие листки²². Внимание белорусских историков привлекли те из них, которые посвящены Ливонской войне и в особенности истории Полоцка. Так, А. Белы ввел в научный оборот изображения захвата Полоцка царскими войсками в 1563 г. и литовскими – в 1579 г. на летучих листках из коллекции Викиана²³. Если изображение захвата Полоцка царскими войсками изображено довольно схематично, ибо художник очевидно не имел ни малейшего представления о средневековом белорусском городе, то, напротив, изображение освобождения Полоцка от войск Ивана IV наполнено реалистическими деталями, которые, по мнению А. Белы, не противоречат ни известной гравюре С. Похоловецкого, ни письменным источникам²⁴, но дополняют их сведения зримым конкретным материалом. По наблюдениям Р. Максимовича существовали и аналогичные летучие листки белорусской печати, известные по описи 1684 г. Бодлеянской библиотеки Оксфорда. Хотя в настоящее время их местонахождение неизвестно, Р. Максимович предполагает, что речь идет об изданиях Несвижской типографии Радзивиллов, где уже в 1562 г. был опубликован Катехизис и трактат “Об оправдании грешного человека перед Богом” Симона Будного. Одновременно в 1563 г. в Чехии Себастьян

Стрыйковском и Мартине и Иоахиме Бельских (Семянчук А. Мацей Стрыйкоускі у Вялікім княстве Літоўскім // Спадчына. 1995 № 1; Она же. Удзел Мацея Стрыйкоускага у Інфлянцкай вайне // *Castrum, bellum et urbis*. Баранавічы, 2002; С. 342–348; Она же. Марцін і Яхім Бельскія – гісторыкі Польшчы і Вялікага княства Літоўскага // Спадчына. 1991. № 1. С. 26–47. Небольшая заметка о биографии А. Гваньини и публикация его герба принадлежит известному белорусскому сфрагисту А. Титову (Ціоу А. Кароткі летапіс пра летппсца // Мастацтва. 1993. № 8. С. 64–65

²² Kappeler A.

²³ Белы А. Полацк у нямецкіх “лятуціх листках” XVI ст. // Спадчына. 1997. № 6. С. 213–216.

²⁴ Там же. С. 217. Раскрашенная гравюра воспроизведена в цвете на задней обложке журнала.

Окса подготовил издание под тем же названием, в чем читатель может убедиться из сопоставления их заголовков:

Белорусское издание 1562 (?)	Чешское издание 1563 г.
г.	<i>Novinyhrozne, straslive I</i>
<i>Новіны грозныя а жалостлівыя</i>	<i>zalostlive, kterak Neptalim</i>
о нападе княжати Московского	<i>velike knize Mozkovske Jeho</i>
Івана на землю рускую, которі	<i>Milosti králi polskemu atd. s</i>
то князь паленьем,	<i>znamenitým počtem lidu</i>
тыранством, мордованьем,	<i>valecneho do zem litevske</i>
мест, замков добываньем	<i>vpadl, palenim, mordovanim</i>
велику і знаменіту шкоду	<i>lidu obojiho pohlavi,</i>
вчыняет.	<i>nekrest'janskym a nestydatym</i>
З доданьем реляцией его	<i>zajimanim, mest a zamku</i>
Мілості гетмана ВКЛ княжати	<i>dobyvanim, velikau znamenitau</i>
Радзівіла о поражцы места	<i>skodu ucinil.</i>
Полоцкого, 1562	<i>Vytisteno v Starem meste</i>
	<i>Prazskem u Sebastiana Oksa s</i>
Второй лист:	<i>Kolovsy. Leta atd. LXIII.</i>

Новіна іста а правдіва о
добыті тыраном московскім
места Полоцкаго. 1571.

Белорусская редакция правильно называет главу Российского царства по имени, чешская, подобно немецкой, ограничивается именем библейского тирана Нефталима, под которым в западноевропейской публицистике времени Ливонской войны имелся в виду Иван Грозный. Неточной датировке белорусского памятника противостоит правильная чешского. Таким образом, чешская редакция обнаруживает сходство и с немецким летучим листком того же 1563 г., и с польскоязычным прототипом..

Некоторые данные об экономических отношениях содержат завещания. Так, в переводе завещания виленского воеводы Яна Глебовича от 28 июля 1590 г.²⁵ речь идет о возможных претензиях к его вдове со стороны его контрагентов в

---

²⁵ Тастамент Яна Глябовіча, ваяводы троцкага /Паслясслоуе, переклад і публ. А. Уначака // Спадчына. 1993 № 1.

Королевце (Кенигсберге) и Риге, при этом своим единственным заимодавцем 1589 г. Ян Глебович называет некоего Валтенштейна в Королевце. Видимо, кредитно-торговые отношения Яна Глебовича с его контрагентами в Ливонии и Пруссии были постоянными, что вполне соответствует практике кредитной торговли Риги XVII в.²⁶. Ливонские купцы, специализировавшиеся на реэкспорте литовского хлеба, авансировали своих поставщиков из Речи Посполитой и Российского царства под сельскохозяйственный урожай следующего года. В связи с данными о внешней торговле литовских магнатов²⁷ и шляхты особенно убедительными представляются утверждения А.Н. Янушкевича об экономической заинтересованности ВКЛ в овладении Ливонией, намерения к чему он обнаруживает с 1552 г.²⁸

О внешней торговле косвенно свидетельствует завещание полоцкого бурмистра Давыда Панкова 1559 г. Этот представитель полоцкого патрициата в своем завещании (тестamente) перечисляет все виды импортных тканей или изделия из них, которые имели хождение в Восточной Европе XVI в. – английского, фландрского и голландского производства²⁹

Таким образом, хотя источниковая база истории Белоруссии за 1991–2004 гг. пополнилась не очень многими публикациями, однако их спектр настолько широк, что можно говорить о новом этапе тамашней археографии.

Тематика

Что же касается тематики, то ее изменения, на наш взгляд, неравнозначны. Как и во всех странах

---

²⁶ Дорошенко В.В. Торговля Риги в XVII в. Рига, 1985.

²⁷ К сожалению, в минском фонде Радзивиллов XVI–первой половины XVII вв. не оказалось данных относительно внешней торговли (Каляга А. Крыніцы па эканамічнай гісторыі гарадоу Беларусі XVI–першай паловы XVII стст. у фондзе князеу Радзівілау НГАБ у г. Мінску // Беларускі горад у часе і прасторы; 500 гадоу Полацкай магдэбургіі. Мн., 2001. С. 243–244)

²⁸ Янушкевич А.Н. Першая інфлянцкая война. Разд. 1

²⁹ Воронін В.А. Тэстамент полацкага бурмістра Давыда Панкова 1559 г. // Матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі. Полацк, 2003. С. 32–40

постсоветского пространства, начиная с России, с одной стороны, на задний план отошло исследование социально-экономического развития (разумеется, есть и исключения, но о них ниже), а на первый выдвинулись проблемы взаимоотношений с восточным или для некоторых азиатских стран – с северо-западным соседом (как бы он себя ни называл), а с другой, выяснилась общественная необходимость мифологизации прошлого³⁰. Эту последнюю задачу, отвечавшую потребностям новой политической элиты Белоруссии, более чем успешно решили псевдонаучные изыски М.И. Ермоловича, посвященными периоду создания государственности ВКЛ. Впрочем, влияния современной национальной политической мифологии не могло не испытать и исследование истории Белоруссии XVI столетия, во многом поворотного для ее судеб. Стоит напомнить лишь о числе войн, происходивших на белорусской территории (три – в первой трети столетия, одна – во второй и одна, затяжная и тяжелейшая – в третьей и четвертой четвертях 16 века). Решительным изменением статуса не только всего Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ), но и белорусских земель в пределах этого государства сопровождалось заключение Люблинской унии, во многом спровоцированное Ливонской войной с Российским царством³¹. Все это давало основание для основательной мифологизации истории внешнеполитических сношений ВКЛ и белорусских земель.

Два слова о политико-географической терминологии.

---

³⁰ Общую характеристику развития белорусской исторической науки и воздействия на нее властных структур дал в 2003 г. давно занимающийся этой темой (Линднер Р. Нязмэннасць і змены у постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // Беларусь паміж усходам і захадам. Праблемы міжнацыянальнага, міжрэлігійнага і міжкультурнага узаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. Ч.1 Беларусіка- Albaruthenica. 6. Мн., 1997. С. 113-118) . Линднер (Lindner R.), работа которого, изданная на белорусском языке (Линднер Р. Гісторыкі і улада. Нацыятворчы працес і гістарычная палітыка у Беларусі XIX-XX ст. Мн., 2003), заслуживает особого рассмотрения.

³¹ По мнению А.Н. Янушкевича, эта война "ускорила интеграционные процессы с Польшей".

Несмотря на заключение Люблинской унии 1569 г. сократившееся Великое княжество Литовское сохранило некоторые следы автономности. Достаточно указать на сферу судопроизводства и законодательной деятельности. Показательно, что Второй Литовский статут, принятый в 1566 г., через два года был усовершенствован и введен в действие. Естественно поэтому, что и применительно ко второй половине XVI самоназвание этого государства не потеряло своей актуальности. Иное дело в соседнем восточном государстве, политический строй которого реформировался и быстро менял наименование. Еще в конце XV в. Великое княжество Владимирское и Московское превратилось в Княжество (Государство) всея Руси (историки спорят, произошло ли это после присоединения Новгорода или Твери, то есть в 1478 или 1485 г), а в 1547 г после венчания Ивана IV на царство превратилось в Российское царство, с 1589 г. (после учреждения патриаршества) – Великое. Однако в белорусской историографии, подобно польской, употребляется единый термин – Московская держава. Он возник под пером польских писателей конца XV в., которые отрицали права государей из рода Рюриковичей на все русские земли домонгольского времени, в том числе и те, которые превратились или превращались в белорусские. К сожалению, белорусские коллеги некритически восприняли польскую традицию наименования восточного соседа.

Отношения ВКЛ с этим соседом на протяжении XVI в. были весьма далеки от добрососедских. Обратимся сначала к русско- и российско-литовским отношениям начала XVI в. В.И. Кононович в 1997 г. дал общую характеристику начала "борьбы за наследство Рюриковичей", которая происходила, по словам Б.И.Сидоренко, на основе "искусственно созданной ... вотчинно-династической теории"³² В.И. Кононович правильно отнес начало первого этапа этой

---

³² Сидоренко Б.И. Земли Восточной Беларуси в дипломатии Великого княжества Литовского и Московского государства первой трети XVI в.// Беларусь і свет. Альманах. Т.І. Мн., 1999. С. 58.

борьбы к 1449 г., когда был заключен договор Василия II с литовским великим князем и королем польским Казимиром Ягеллоном – “великий акт раздела Руси между Вильно и Москвой” и с позиций этого документа, заключенного в условиях феодальной войны в Северо-Восточной Руси, расценил присоединение Твери, с 1449 г. находившейся под протекторатом великого князя литовского, как незаконное. В конце XV в., когда карта Восточной Европы уже изменилась, встал вопрос не только о землях Рюриковичей, но и о титуле Ивана III. В.И. Кононович вслед за автором настоящего доклада отнес возникновение титулатурной проблемы в отношении ВКЛ и Княжества всея Руси к 1499 г., хотя уже в 1494 г. Иван III именовал себя “государем всея Руси”. В дальнейшем инициатива военных действий перешла от Александра Казимировича к Ивану III и его преемнику Василию III³³. История первых трех русско-литовских войн начала XVI в. не привлекла специального внимания белорусских историков, хотя взаимоотношения двух соседних государств в связи с мелкими нарушениями территориальной целостности и ограблением купцов и населения приграничных районов исследованы Б.И. Сидоренко весьма основательно. Он же обратил внимание на Стародубскую войну – еще одна попытку вернуть границы к ситуации XV в. Однако эта военная авантюра закончилась ничем и, поскольку не смогла добавить славы литовскому оружию, статья Б.И. Сидоренко осталась одинокой в белорусской патриотической историографии³⁴.

Из военной истории наибольшего внимания удостоилась битва под Уллой 1564 г. – литовский реванш за потерю Полоцка³⁵, статья о которой стала поворотным моментом в

---

³³ Кононович У. Змаганне за спадчыну Рурыкавічаў // Беларуская мінуушчына. 1997. № 5 С. 2-7.

³⁴ Сидоренко Б.И. Земли Восточной Белоруссии... С. 58-67; Сідарэнка Б.. Магілеў у сістэме узаемаадносін (взаимоотношений- АХ) Вялікага княства Літоўскага і Маскоўскай дзяржавы XVI в. // ВГЧ. 1994. № 3. С. 30-35.

³⁵ Грыцкевіч. А. Бітва пад Оршай Грыцкевіч А. Бітва каля Улы //

оценке русско-литовских войн современной белорусской историографией.³⁶ Победа под Уллой, равно как и Оршанская 1514 г., придает военным усилиям ВКЛ по сохранению сложившейся на протяжении XV в. территории княжества особую значимость. В связи с Оршанской стоит отметить, что ранее российской историографии белорусская обратилась к исследованию судеб "московских" пленных Оршанской битвы 1514 г.³⁷. Некоторая выборочность в подходе к темам (прежде всего интерес к отдельным победам и победоносным войнам ВКЛ³⁸) отражает общий настрой историков.

В центре внимания наряду с войнами начала столетия (А.П. Грицкевич, В. Шейфер), естественно находится Ливонская война и в особенности ее начало и первые годы (Янушкевич, Бобышев, Саганович³⁹). Прежде всего два слова о ее наименовании. В противоположность советской – русской и белорусской историографии в нынешней постсоветской белорусской историографии постепенно утверждается название "Инфляндская" война, хотя особого смысла в замене русского термина польским, как кажется, нет. Пересматривается и вопрос о целях войны. Особого внимания заслуживает концепция Ливонской войны А.Н. Янушкевича. Он

Беларускі гістарычны часопіс. – 1994. – № 3. – С. 91-92

³⁶ Янушкевич А. Первая инфлянтская война 1558-1570 гг. ... Минск, 2001

³⁷ Кошалеу М. Живыя і мертвыя: маскоўскія вязні пасля аршанскай бітвы 1514 г. // Гісторыка-археалагічны зборнік. Мн., 1998. № 13 С. 176-183

³⁸ Так, битве под Клецком 1506 г., действительно, чрезвычайно важной в отношениях с Крымским ханством, посвящена серия работ. Воспроизведены некоторые источники: Воронин В.А., обсуждается место и ход битвы) То же можно сказать и относительно завершившейся бесславно для Княжества всея Руси Стародубской войны (Сидоренко Б. Могилев в войне ВКЛ и Московского государства 1534-37 гг. // Минулая і сучасная гісторыя Магілева. Маг., 2001. С. 42-46: Он же.

³⁹ Г.Н. Саганович выделил в пределах этой войны особый период 1563-1579 гг. и особую географическую сферу – Полоцкую (Саганович Г. Полацкая вайна 1563-79 // Адраджэнне. Т. 1. Мн., 1995. С. 61-82. Работа осталась недоступной автору данного обзора).

отметил, что это первая из войн XVI столетия, военные действия в которой разворачивались не только на территории ВКЛ, но и на территории другой страны, вовлеченной в конфликт экспансионистскими устремлениями ВКЛ и Российского царства – на территории Ливонии. Разумеется и цели воюющих сторон отличались от целей предшествующих войн, поскольку в них ВКЛ стремилось удержать вошедшие после монгольского нашествия земли, а Княжество всея Руси пыталось воссоздать империю Рюриковичей домонгольского периода. В Ливонской же войне речь шла об обладании территорией, не принадлежавшей ВКЛ⁴⁰.

Другой белорусский исследователь В.И. Бобышев характеризует международное положение, степень заселенности страны (впрочем поиски непосредственной связи численности населения и его плотности с характером внешней политики – оборонительной или экспансионистской кажутся несколько надуманными⁴¹) и внешнюю политику. Что же касается внутреннего развития страны, то Бобышев отмечает процесс централизации власти в руках “господарской рады”, отсутствие дискриминации в отношении православных с 1563 г., которое однако (вопреки очевидности) не связывает с задачами внешней политики сохранения восточных и северо-восточных территорий. Бобышев соглашается с низкой оценкой дипломатии Николая Радзивилла Черного, канцлера 1550–1556 гг., данной ей польским историком Р. Зелевским, за отсутствие игры на российско-крымских противоречиях и недооценку опасности для ВКЛ со стороны России⁴². Рассмотрение проблемы исключительно с литовской стороны приводит и к новым упрекам в сторону руководителей ВКЛ за промедление с

---

⁴⁰ Распределение воинских контингентов неоспоримо свидетельствует об этом. По подсчетам А.Н. Янушкевича в Ливонии находилось 105 тыс. человек из общего числа 120 тыс человек. Численность войска на восточном «фронте» колебалась от 10 до 16 тыс. человек (Таблицы 6 и 7)

⁴¹ Бобышев В.И. Международное положение и внешняя политика Великого княжества Литовского накануне и в начале Ливонской войны // Старонкі гісторыі і культуры Беларусі. Мн., 1997. С. 44–45.

⁴² Там же. С. 49.

началом военных действий в период русско-шведской войны 1556-1557 гг.⁴³ Лишь заключение антироссийского крымско-литовского союза в 1559 г. позволило ВКЛ активно вмешаться в российско-ливонские отношения и заключить договор с ливонским коадьютором Г.Кетлером о вступлении Ливонии под протекторат ВКЛ, согласно которому оно получало некоторые земли в Ливонии. Впрочем, Виленское соглашение 1559 г., поставив точку в существовании Ливонского ордена, по мнению исследователя, не изменило соотношения сил в борьбе за Ливонию⁴⁴.

Несколько странным с точки зрения историка России⁴⁵ является разделение Ливонской войны на разные "войны" и мнение, будто в 70-е годы XVI в. ВКЛ потерпело поражение⁴⁶. А.Н. Янушкевич обосновывает подобное выделение военных действий 1558-1570 гг. тем фактом, что для ВКЛ война за Ливонию продолжалась, но уже против другого претендента на обладание этой частью Европы - Швеции. В начале XVII столетия Речь Посполитая вела еще две Ливонские войны.

Что же касается новой концепции белорусских историков относительно сути Ливонской войны как войны двух агрессоров за обладание территорией, жизненно необходимой для развития экономики и Речи Посполитой, и Российского царства, то она выгодно отличается от существовавшей донныне в отечественной, в том числе и советской, и зарубежной историографии.

В.И. Бобышев исследовал отношения ВКЛ и "Московского государства" в период первого и второго бескоролья (1572-1576). Он подчеркивает и отличие стратегии и тактики, которой противники придерживались в 1558-1570 гг. В это время Речь Посполитая вела пассивную оборонительную

---

⁴³ Там же. С. 51.

⁴⁴ Там же. С. 55.

⁴⁵ Исходя из внутренней истории Речи Посполитой перемирие 1570 г. отметило не только завершение определенного этапа войны с Россией, но и соответствовало внутреннему развитию Речи Посполитой (заключение унии, угасание династии и наступившее вслед за этим бескоролье), но и основательные перемены во внешнеполитическом положении КЛ.

⁴⁶ Бобышев В.И. Взаимоотношения Великого княжества Литовского и Московского государства в период *inter regnum* (1572-1576) // Молодые гуманитарии Беларуси. 1995. Мн., 1995. С. 37-

борьбу, от которой отказалась при Стефане Батории, перенесем линию борьбы на территорию Российского царства.

События второго бескоролья и попытка Грозного занять королевский престол, по мнению автора, оказали воздействие и на внутреннюю историю России. Фарс с передачей царского титула Симеону Бекбулатовичу Бобышев связывает с нежеланием царя уравнивать королевский и царский престолы⁴⁷ Сложная дипломатическая игра литовской стороны, как известно из литературы XIX–XX вв. (особо хотелось бы подчеркнуть значение работы Б.Н. Флори), не оставила царю шансов на успех. Еще меньше было их в период правления Стефана Батория, стремившегося захватить столицу соседнего Российского государства. Выполнению этой программы помешал ряд факторов, среди которых Бобышев особо выделяет захват шведами Нарвы, Ивангорода, Копорья, Яма⁴⁸.

Заключительного этапа Ливонской войны касаются и авторы так называемых региональных исследований. Так, Б.И. Сидоренко, в основном верный «могилевской тематике», рассматривает днепровский поход М. Катывева–Ростовского и Д. Хворостинина летом 1581 г. На основании послания («листа») королевского могилевского войта Мартина Стравинского Стефану Баторию он восстановил путь царского войска от Смоленска до Могилева летом 1581 г. – конного от Орши по правому берегу Днепра, пешего – по Днепру. Городов (ни Орши, ни Копыси, ни Шклова, ни Могилева) царским войскам взять не удалось. Лишь на обратном пути по левобережью Днепра воеводы разорили посады Радомля и Мстиславля. Трехдневный набег во время Петровского поста не оказал существенного влияния на ход войны⁴⁹. Ту же картину незадачливого рейда рисует «лист» королю могилевца шляхтича Щасного Ярослава Головчинского, принадлежавшего к роду Ряполовских, в XV в. перебравшегося в ВКЛ⁵⁰.

Литовско–крымскими отношениями конца XV–начала XVI вв.

---

⁴⁷ Там же. С. 43.

⁴⁸ Бобышев В.И. Планы Стефана Батория в отношении Московского государства и реальность // Матэрыялы 51-й студэнцкай навукравай канферэнцыі БДУ (красавік–май 1994 г.). Мн., 1994. С. 55–56.

⁴⁹ Сідарэнка В.І. Магілеў на заключным этапе Лівонскай вайны (Дняпроўскі паход Міхаіла Катывева Растоўскага Дзімітрыя Хварасцініна летам 1581 года // Магілеўская дауніна. 1994. № 1. С. 6–16.

⁵⁰ Набелахаў В.І. «Пятровкая маскава», ці адзін дзень з жыцця Магілева часоў Лівонскай вайны // Магілеўская дауніна. Маг., 1996. С. 76–80.

занимаются В.И. Кононович, которого, как и Ш.И. Бектинеева, интересуют и история крымских походов, и деятельность в ВКЛ крымских послов и гонцов, и сам институт послов, участие в войнах литовских татар⁵¹. Юбилей Клецкой битвы 1506 г., действительно, чрезвычайно важной в отношениях с Крымским ханством, вызвал серию публикаций. Воспроизведены некоторые источники⁵², обсуждается место и ход битвы⁵³, даже судьба Клецких Радзивиллов⁵⁴

Изучаются однако не только военные действия времени частых и длительных, хотя иногда, в особенности во время Ливонской войны, протекавших пунктирно (с длительными "передышками"), но и приемы тайной дипломатии и служба разведки, то есть тема, ставшая чрезвычайно популярной и за пределами Беларуси (И. Ауэрбах, И. Граля). Если В.И. Бобьшев главное внимание уделяет методам разведки Российского царства⁵⁵, то В.И. Кононович, напротив, исследует разведку ВКЛ⁵⁶. Следует признать, что действия сторон в этом направлении мало отличались друг от друга: и ВКЛ, и Княжество всея Руси (как и Российское царство) использовали послов, посланников и гонцов, местное население, пленников, засылали "шпегов" (разведчиков), расспрашивали многочисленных перебежчиков из одного

---

⁵¹ Бекцінеев Ш. Татарскія уланы // Беларуская мінушчына. 1997. № 4. С. 55

⁵² Варонін В.А. Два лісты пра бітву пад Клецкам у 1506 г // ВГА.Т. 2. Сш. 2. Мн., 1995. С.281-286

⁵³ Літвін В. Клецкая бітва // Беларуская мінушчына. 1997. № 2. С. 17-18; Блінец А. Бітва пад Клецкам // БГЧ. 2000. № 4. С. 28-31.

⁵⁴ Канановіч У. Клецкія Радзівілы // Беларуская мінушчына. 1994. № 1-4

⁵⁵ Бобьшев В.И. Из истории тайной дипломатии Великого княжества Литовского и Московского государства накануне и во время Ливонской войны (1558-1583гг.) // Беларусь і свет. Альманах. Т.ІІ. Мн., 2000. С. 22-33

⁵⁶ Канановіч У. Інфармацыйна-выведная служба у Вялікім княстве Літоўскім у познім сярэднявеччы *Castrum, bellum et urbis*. S.

государства в другое. Последнее явление было чрезвычайно распространено в период Ливонской войны.

Интересны и наблюдения В.И. Бобышева относительно перемен в организации дипломатических переговоров по окончании Ливонской войны. Подобные переговоры велись обычно в столице Княжества всея Руси или Российского царства. Царь не соглашался перенести их даже "на межу", то есть в приграничные районы (в 1561, 1566, 1481 гг.). Однако, потерпев полное поражение, Иван Грозный, "перед Богом и перед тобой (Стефаном Баторием – А.Х.) смиряясь", вынужден был первым направить своих послов в Речь Посполитую. Статус дипломатического представителя (посла, посланника или гонца) определял и размер его содержания в стране переговоров. При этом царская власть не стеснялась уменьшать "корм" в случае недовольства ходом переговоров. Почетный эскорт иностранного посольства как в России, так и в Речи Посполитой выполнял одновременно и функции разведчиков, информаторов и дезинформаторов почетных и рядовых дипломатов. Относительно того, как вознаграждалась деятельность эскорта в России, данных крайне мало. В Речи Посполитой оршанский староста Филон Кмита за точную и своевременную информацию, поступавшую из этого города, в октябре 1579 г. удостоился звания сенатора и титула смоленского воеводы, невзирая на «мелкий» факт пребывания Смоленска с 1514 г. в составе Великого княжества всея Руси, а с 1547 г. – Российского царства⁵⁷.

А.В. Тихомиров в своей статье обычаях дипломатических приемов и переговоров Речи Посполитой первого столетия существования этого государственного образования преимущественно на материалах первой половины XVII в. мельком затрагивает вопрос об особенностях приема царских

---

⁵⁷ Бобышау В.І. Некаторыя аспекты арганізацыі дыпламатычных перамоу паміж Вялікім княствам Літоўскім і Маскоўскай дзяржавай у другой палове XVI ст. // Беларусь і свет. Альманах. Т. I. Мн., 1999. С. 46-53.

послов в Речи Посполитой⁵⁸. Он последовательно рассмотрел порядок встречи и сопровождения послов к месту назначения, церемонии их приема в королевской резиденции, состав присутствующих на приеме, порядок ведения деловых совещаний, устройство пиров и организацию торжественного отъезда. Тем не менее задача всестороннего сравнительно-исторического изучения посольского обычая в Восточной Европе еще ждет своего исследователя.

Внешняя политика и внутреннее социально-экономическое развитие

На периферию историографии переместились темы, связанные с экономическими отношениями ВКЛ и белорусских земель с восточным соседом. Ею теперь занимаются лишь историки Бреста, к сожалению, ограничивающиеся лишь ранее опубликованными материалами⁵⁹. Кроме того, суммарное рассмотрение этих связей за вторую половину XVI-первую половину XVII вв. не дает возможности понять специфику торговых связей каждого полувека в особенности, хотя даже априори можно предполагать их различие, прежде всего по интенсивности контактов. Несколько лучше обстоит дело с изучением крестьянства во второй половине XVI в. и втягиванием его во внешнюю торговлю в качестве поставщика зерна (в частности, на рынки Киева)⁶⁰

Чрезвычайно плодотворным направлением представляется исследование воздействия внешней политики и в особенности войн на внутреннее развитие ВКЛ и отдельных его земель,

---

⁵⁸ Тихомиров А.В. Порядок приема зарубежных посольств и ведения дипломатических переговоров в Речи Посполитой (2-ая половина XVI-XVII в. // Беларусь I свет. Альманах. Т. I. Мн., 1999. С.19-27.

⁵⁹ Харченко О.П. Белорусско-русские торговые связи во второй половине XVI-первой половине XVII веков // Берасцейскі хранограф. Вып.3. Брэст, 2002. С. 259-263.

⁶⁰ Харченко О.П. Торговые контакты между городом и деревней в Беларуси во II-ой половине XVI-I-ой половине XVII вв. // Берасцейскі хранограф. Вып. 2. Брэст, 1999

прежде всего Полоцка и Могилева (А.Н. Янушкевич, Б.И. Сидоренко).

Хотя главное внимание в международных отношениях уделяется сношениям с восточным соседом, не остается без внимания Люблинская уния и подготовка к ней. Оценка же самой унии несколько противоречива. С одной стороны, указывается, что уния, заключенная в условиях тяжелого военно-политического положения страны⁶¹, освободила ВКЛ от угрозы крымских набегов и войны с Турцией, "дала возможность добиться перелома в войне с "Московией", закрепить ленные права на Инфлянты совместно с Польшей", а, с другой, потеря южных и западных земель подорвала "непосредственные политические и социально-экономические возможности" ВКЛ⁶², создавала предпосылки для выполнения Коронной Польской задачи полного подчинения ВКЛ Польше⁶³. Тем не менее последняя задача осталась нерешенной. Объединившиеся в единый политический организм государства сохранили независимость в области внешних сношений⁶⁴, финансов, войска и территориальной власти. Правда, сфера внешних сношений была разделена между ними. На долю ВКЛ остались сношения с Российским (по белорусской терминологии – Московским) царством, что вполне отвечало позиции литовского подканцлера Льва Сапеги. Разность позиций элит этих двух государств была заметна и в

---

⁶¹ Снапкоускы У. Пра калізіі знешнепалітычных інтарэсаў Польскай Кароны і Вялікага княства у складзе Рэчы Паспалітай // Спадчына. 1995. № 3. С. 190. В этом отношении автор следует, хотя и не вполне последовательно В.М. Игнатовскому, подчеркивавшему опасность опричнины для Беларуси (Игнатовскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мн., 1991. С.96).

⁶² История Беларуси. Краткий очерк. / Отв. ред. М.П. Костюк. Мн., 2002. С. 44.

⁶³ Снапкоускы У. Пра калізіі знешнепалітычных інтарэсаў. С. 190.

⁶⁴ Это мнение высказывалось вопреки утверждению М.В. Довнар-Запольского о том, что независимая внешняя политика ВКЛ завершилась Ям-Запольским миром (Доунар-Запольскі М. Гісторыя Беларусі. Мн., 1994. С. 103).

отношениях со Швецией, ибо ВКЛ допускало частичную потерю Пруссии, против чего была Корона Польская, но стремилось сохранить Ливонию⁶⁵

Несмотря на работы А.Н. Янушкевича о влиянии Ливонской войны на развитие северо-восточной Белоруссии⁶⁶, думается, проблема воздействия войн на внутреннее развитие ВКЛ еще далека от разрешения. А.Н. Янушкевич видит причины поражения в «Инфлянтской» войне в плохой войсковой организации, основывавшейся на всеобщем ополчении, которое, в свою очередь, было основой шляхетской демократии. А посему у шляхты не было заинтересованности в военной реформе⁶⁷. Однако реформа 60-х годов и переход от посполитого ружения к наемному, кварцяному войску⁶⁸, на наш взгляд, несомненно явились результатом поражения на первом этапе Ливонской войны. Эта реформа потребовала такого напряжения финансовых возможностей государства, которое литовская казна выдерживала с трудом. Расходы на содержание войска, по подсчетам А.Н. Янушкевича, выросли в 4 раза: от 10-12 тыс. злотых в 1566-67 гг., до 48 тыс. злотых в 1568-69 гг., а задолженность казны, после 1561 г. испытывавшей постоянный дефицит бюджета, выросла в соответствующей пропорции.

Заслуживает внимания и сравнительно-исторический аспект подобной военной реформы. Параллельность и синхронность военных реформ в Российском царстве и Речи Посполитой не может не наводить на более общие

---

⁶⁵ Снапкоускы У. Пра калізіі знешнепалітычных інтарэсаў. С. 195-196.

⁶⁶ Янушкевіч А. Вайна і грамадства і адносіны насельніцтва паўночна-усходняга памяжжя ВКЛ до палітыкі дзяржаўнай улады у перыяд Інфлянцкай вайны 1558-1570 г. // *Castrum, urbis et bellum*. Барановічы, 2002. С.415-421.

⁶⁷ Однако была большая заинтересованность в закреплении своих многочисленных прав, что и выполнил Второй литовский статут 1566 г.

⁶⁸ Усціновіч Ю. Фарміраванне I арганізацыя наемных войск Вялікага княства Літоўскага з 2-й паловы XVI ст. да рэформ Стэфанка Баторыя // *Castrum, urbis et bellum*. Барановічы, 2002. С. 379-382.

соображения о путях развития этих государственных образований. Непоследовательность военной реформы в России и свертывание новых форм набора наемного войска за счет введения опричного отбросило страну далеко в сторону от столбовой дороги развития европейского общества (пережитки этого можно обнаружить и в современной системе поголовной воинской обязанности в Российской Федерации), переход же к наемному и лучше вооруженному войску в Речи Посполитой⁶⁹ обеспечил ей победу в Ливонской войне и закрыл для России балтийское окно в Европу, что стало предпосылкой дальнейшей стагнации Российского царства.

Синхронно происходили и некоторые явления в сфере денежного хозяйства ВКЛ и Руси-России⁷⁰. Общая, но слишком краткая характеристика денежного обращения этого столетия дана Ш.И. Бектинеевым, который выделил три этапа: 1492–1514 гг., 1514–после 1569 гг., последняя треть XVI в., в течение которой происходило усиление роли талера на территории ВКЛ⁷¹ за счет сокращения роли рубля⁷². Он же привел отдельные сведения об использовании корабельников (английских золотых ноблей) в первой трети XVI в.⁷³ Их исчезновение в более позднее время Ш.И. Бектинеев объясняет целым комплексом причин, как внешнеполитических, так и экономических. В контексте международных отношений важно проникновение и использование иностранных монет. Обзор материалов, опубликованных в Актах Виленской археографической комиссии за 1865–1917 гг., сделали

---

⁶⁹ Бохан Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XV– канца XVI ст. Мн., 2002. С. 258–262.

⁷⁰ Рябцевич В.Н. Нумизматика Беларуси. Мн., 1995.

⁷¹ Бектинеев Ш.И. Проблемы денежного обращения Великого княжества Литовского в XVI в. (До Любдинской унии 1569 г.) // Навукова-практычная канферэнцыя, прысвятаная 900-годдзю Пінскаю Май 1997. Пінск, 1997. С. 19–20.

⁷² Бектинеев Ш.И. Обращение рубля на территории Беларуси до Люблинской унии 1569 г. // Беларусь: гістарычны лес народа і культуры. Мн., 1995. С. 103–106.

⁷³ Бектинеев Ш.И. "Корабельники" в Великом княжестве Литовском // ГАЗ. № 11. Мн., 1997. С.744

брестские историки Е.В. Мороз и В.И. Никитенков. Они четко указали, что с открытием Монетного двора в Вильне в 1492 г. начался новый этап денежного обращения в ВКЛ, в течение которого из обращения постепенно выходит пражский грош, вытесняемый монетами литовской чеканки ("личбы") – полугрошами, равными 5 пенязям – "петаку". Грош, как и копа (60 грошей или 120 полугрошей) оставались счетными единицами. С конца XV в. с возобновлением деятельности Краковского монетного двора, в ВКЛ стала проникать и польская монета, хотя польский грош составлял лишь 4/5 литовского, а польский злотый, как и венгерский дукат, был эквивалентен 30 польским грошам. С 1529 г. появился и талер, в конце столетия равнявшийся 36 грошам. Впрочем, на рынке обращались и полновесные "старие зуполной ваги" (полного веса – А.Х.) и "новые, которие зуполное ваги в себе не мают", то есть равные соответственно 26,4 и 23,4 литовских грошей⁷⁴. В 1565 г. купцам были запрещены зарубежные поездки и употребление талеров, "злых и неважных". Разумеется, это не могло остаться без влияния на развитие экономики ВКЛ, в которой уже стали формироваться кризисные явления, выразившиеся в появлении испанских талеров (= 60 грошам) и полуталеров – так называемых "филипков" (от имени Филиппа II). Кризис денежного обращения был заторможен реформами по унификации польской и литовской монеты Стефана Батория. Однако собственная монета не вполне удовлетворяла потребностей экономики. По прежнему, как и в XV в., употреблялись серебряные флорины, равные 30 грошам, получившие наименование "злого польского". С 1532 г. в актах появляются упоминания о московских деньгах – рублях (счетном понятии, равном 100 литовским грошам), гривнах (=48 польских грошей), алтынах и деньгах. Употребление их наиболее часто упоминается в Могилеве в связи с поездками горожан в Россию⁷⁵. Таким образом, судя по письменным

---

⁷⁴ То же происходило и на русском денежном рынке, обрезание и порча монет вызвали реформу 1534–1537 гг., известную как реформа Елены Глинской (Мельникова А.С.).

⁷⁵ Никитенков В.И., Никитенкова П.П. Денежное хозяйство на

источникам и самим монетам, обнаруживаемых в кладах, на протяжении XVI в. происходило исчезновение одной и внедрение другой иностранной монеты в денежное обращение ВКЛ, отражавшее смену основных направлений внешней торговли.

Политика правящих кругов соседних государств приводила к демографическому кризису в их собственных странах. Это убедительно показано А.Н. Янушкевичем применительно к самым восточным белорусским землям, главной арене военных действий в течение Ливонской войны. Автор показал это на примере Полоцкой земли, где к 1570 г. населенными остались лишь 31% прежних сельских поселений, остальные находились в разной степени опустошения⁷⁶. Думается, до степени этноцида демографический кризис XVI в. не дошел⁷⁷

Важны и наблюдения относительно роста населения в отдельных районах ВКЛ⁷⁸. Думается, с захватом Полоцкой земли и перемещением населения связан бурный рост местечек в верховьях рр. Вилии и Неманской Березины, произошедший по преимуществу во второй половине XVI в.⁷⁹

белорусских землях в конце XV-70-х годах XVI века // Бересцейскі хранограф. Вып. 1. Брэст, 1997. С. 13-17; Мороз Е.В., Никитенков В.И. Акты Виленской Археографической комиссии как источник по истории денежного хозяйства Беларуси в XIV-XVII веках // Бересцейскі хранограф. Вып. 2. Брэст, 1999. С. 287-295.

⁷⁶ Янушкевич А.Н. Першая інфлянцкая вайна 1558-1570 гг. і яе уплыў на развіццё сацыяльна-палітычных працэсаў у Вялікім княстве Літоўскім. (Первая Ливонская война 1558-1570 гг. и ее влияние на развитие социально-экономических процессов в ВКЛ). Мінск, 2001.

⁷⁷ Впрочем введенное Г.Н. Сагановичем применительно к середине XVII в. понятие этноцида еще нуждается в дополнительном изучении, в том числе и сравнительно-историческом

⁷⁸ На эту проблему еще в конце 20-х годов XX в. обратил внимание В.М. Игнатовский, обративший внимание на бегство населения из восточных регионов в южные украинские земли, происходившее в начале XVI в. в условиях русско-литовских войн (Игнатоўскі У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. Мн., 1991. С.96).

⁷⁹ Бохан Ю.М. Аб мксцы мястэчка у стктуры гарадскіх пасяленняў XV-XVIII сс.ст. (на матэрыялах мястэчэк вярхоўяў Віліі і Неманскай Беразіны) // ГАЗ. Ч.1. Мн., 1993

Впрочем, белорусские исследователи не связывают рост местечек с демографическими сдвигами в результате войн, ограничиваясь характеристикой социально-экономических предпосылок их возникновения⁸⁰. Исключение составляет Б.И. Сидоренко, который видит одну из причин экономического роста г. Могилева в XVI в. в воздействии внешнеэкономического фактора. Замок, построенный в 1526 г. без участия мещан, в 1581 г. доказал свою эффективность. Существенный прирост населения города произошел после захвата царскими войсками г. Полоцка, откуда в Могилев переселилось полоцкое боярство, получившее здесь села с 189 службами и 250 дымами⁸¹. Однако так было далеко не везде: города, княжество Мстиславское и Кричевская волость, расположенные близко к границе с Княжеством всея Руси в течение первой половины изучаемого столетия теряли население, которое гибло в боях, подвергалось угону в плен⁸², поскольку и здесь, как и в Полоцке, царская власть не опиралась на местных жителей.

Культурные связи ВКЛ в XVI в.

Не исключена, на наш взгляд, и возможность дальнейшего изучения культурных отношений России и Речи Посполитой в период Ливонской войны. Так, захват Полоцка и его пребывание в составе Российского царства оказало воздействие на тематику сюжетов изготавливавшихся в Полоцке изразцов⁸³. Появление на них государственных

---

⁸⁰ Соркіна І. Спроба перыядызацыі гісторыі мястечек Беларусі (15-пачатак 20 ст.) // Гістарычны альманах. Т. 7. Городня 2002. С.101-102.

⁸¹ Сідарэнка Б. Могілеў у сістэме узаемаадносін... С. 32.

⁸² Сидоренко Б. Города Восточной Беларуси (Кричев, Могилев, Мстиславль, Пропоешск) в в военной стратегии Великого княжества Литовского первой четверти XVI века // Беларускі горад у часе I прасторы... С. 101-109.

⁸³ Здановіч Н.І. Полацкая кафля канца XVI-XVII ст. // Гісторыка-археалагічны зборнік. № 12. Мн., 1997. С. 103-126, особенно С. 106. Рис. 2,10. С. 111, 119. Ср. Паничева // КСИА. Вып. 160.

символов Российского царства – двуглавых орлов, по облику и стилистике, разумеется, резко расходящихся с аналогичными российскими⁸⁴, вероятно, можно связывать со строительной деятельностью времени российского владычества, а несколько карикатурный облик орлов хотелось бы истолковать в связи с настроениями мелких ремесленников, изготовлявших эту достаточно массовую продукцию. В XVII столетии, как и в России, двуглавый орел превратился в обычный, хотя и экзотический по происхождению, элемент декора. Впрочем, не исключено, что фантазия автора статьи заводит его слишком далеко...

Некоторые не вполне реализованные возможности изучения культурных связей открывает исследование завещаний-тестаментов⁸⁵. Так, уже цитированное завещание Яна Глебовича 1590 г. предусматривает оплату обучения за границей двух его слуг Горшковского и Лася⁸⁶. К временно забытой теме о роли белоруссов в культурном развитии России, правда, не XVI, но XVII в. обратились А.А. Трусов и В.П. Грицкевич, подчеркнувшие неувядаемую актуальность проблемы⁸⁷.

Весьма своеобразной формой культурных связей ВКЛ и в частности Полоцка с Россией является усвоение эмблематики белорусского города сфрагистами-идеологами царской власти, произошедшее после завоевания Иваном Грозным Полоцка. А. Трофимов, исследуя происхождение полоцких "колюмн" на большой государственной печати русского царя, считает их

---

⁸⁴ Орлы на полоцких "кафлях" имеют узкое и длинное туловище и крылья с растрепанными по отдельности крыльями

⁸⁵ Общую характеристику шляхетских завещаний дали Н. Слиж и М. Гордеев (Слиж Н., Гардзеу М. Шляхецікія тэстаменты 16-пачатку 18 ст. // Гістарычны альманах. Т. 3. Гародня, 2000. С. 90-iiiiiii

⁸⁶ Тэстамент Яна Глябовіча. С. 65.

⁸⁷ Трусау А.А. Беларусы у Маскве XVII ст. // Гістарычная навука І гістарычная фдукацыя у рэспубліцы Беларусь. Новыя канцэпцыі І падыходы. Ч. 1. Мн., 1994. С. 75-80; Грицкевич В.П. Беларускія лекары у Маскоўскай дзяржаве XVII ст. // Магілеўская даўніна. Маг., 1997. С. 5-8.

первым гербом Полоцка, употреблявшимся на воцаной печати уже с 1463 г.⁸⁸ Интересная трактовка истории полоцких колюмн удачно дополняет теорию И. Грали о том же сюжете.

Активно развивающаяся археология замков XVI-XVII вв. практически оставляет за скобками изучение деревянного замкового строительства на северо-востоке Белоруссии времени российского владычества. О наличии или отсутствии следов подобного строительства ничего не говорит, к сожалению, исследовательница замков Сокол и Улла – И.В. Ганецкая⁸⁹, хотя строительство там силами российских войск зафиксировано письменными источниками.

Отдельные замечания относительно импортных товаров, преимущественно рейнской керамики, делают белорусские археологи, ведущие многочисленные раскопки культурного слоя XVI-XVII вв. в городах страны⁹⁰.

* *

*

Разумеется, у белорусских историков внешних сношений остаются еще неиспользованные резервы, прежде всего источниковые (многотомная польская серия *Elementa ad fontium ediciones* пока осталась за пределами их досягаемости). Нуждаются в активизации и белорусско-российские научные связи: до сих пор недостаточно востребованы материалы, находящиеся в российских архивохранилищах разной ведомственной принадлежности, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. Наши белорусские коллеги недостаточно знакомы и с работами российских исследователей, что впрочем характерно и для последних по

---

⁸⁸ Трофимов А. Вариант герба Полоцка с большой государственной печати Ивана IV // Беларускі горад у часе I прасторы... С. 244-250.

⁸⁹ Ганецкая І.У. Крынеіцы па гісторыі беларускіх замкаў // ВГЧ. 2003. № 9. С.17-21

⁹⁰ Марзалюк І.Магілеў у XII-XVIII стагоддзях.Людзі і рэчы. Мн., 1998. С. 59 См. такжн Левко О.Н. Средневековые территориально-административные центры Северо-Восточной Беларуси. Мн., 2004.

отношению к белорусской историографии (в том числе и автора данной статьи).

Проблематичным является использование политико-географической терминологии источников, происходящих с территории соседних государств, – Московия, Московское княжество и государство – применительно к Княжеству (Государству) всея Руси и Российскому царству. То же самое можно сказать и относительно ВКЛ, выступающего порой под названием Белорусско-Литовское государство или держава (в частности, в работах В.И. Бобышева). Игнорирование самоназвания, а соответственно и самоидентификации политических элит и населения этих государств затрудняет понимание главного и ведущего конфликта Российского царства с Речью Посполитой и ВКЛ, приведшего к Ливонской войне, ведет к подмене истории Белоруссии историей ВКЛ и наоборот, мифологизации (так, темой конференции 2002 г. была «Внешняя политика Белоруссии в исторической перспективе»), а порой, напротив, недооценки реальной роли Белоруссии в восточно-европейском противоборстве XVI в. (ср. новейшую монографию польского исследователя Г. Люевича). Тем не менее хотелось бы особо отметить синхронность интереса к проблеме и совпадение некоторых выводов белорусских и российских ученых относительно Стародубской войны (М.М. Кром и Б.И. Сидоренко), периодизации и смысла Ливонской войны (А.Н. Янушкевич и А.Л. Хорошкевич).

Сфера изучения международных отношений эпохи средневековья, в пределах которой белорусская историческая наука конца XX-начала XXI вв. развивается быстро и успешно, испытала на себе влияние и научного, и мифотворческого течений белорусской историографии. Однако несомненно преобладание чисто научного подхода к проблеме. Это произошло благодаря тому, что основателем и фактическим главой белорусской школы истории международных отношений выступил профессор Белорусского государственного университета А.А.Яновский, который, поставив общую задачу исследования истории дипломатических отношений и войн, в том числе поворотного

для Восточной Европы XVI в., вырастил ведущих специалистов в этой сфере – В.И. Кононовича (диссертация 1997 г.), В.И. Бобышева (диссертация 2001 г.) и А.Н. Янушкевича (диссертация 2001 г.). Подобная тематика разрабатывается ныне и в стенах Института истории НАНБ. Однако после кардинального пересмотра схем советского образца, итоги которого подвела конференция 2002 г. “Внешняя политика Белоруси в исторической ретроспективе”, интерес общества к этим темам несколько угас. Прекратилось издание альманаха “Беларусь и мир”, статьи, посвященные этой проблеме, стали более редкими. Вероятно, изоляционистская политика государства оказала воздействие и в этой сфере. Другой причиной угасания интереса можно считать отсутствие достаточного числа новых публикаций источников, хотя новые материалы могли бы снова вдохнуть жизнь в изучение этой проблематики, как и показывает диссертация О.И. Дзярновича, защищенная в 2004 г. под руководством Г.Я. Голенченко⁹¹.

Представляется целесообразным осуществление совместного белорусско-, российско-, литовско-, польско-, немецко- и шведского проекта изучения Ливонской войны, выдвинутого автором настоящих тезисов на конференции в Риге в 2001 г. и поддержанного уже польскими и шведскими историками.

---

⁹¹ Дзярновіч А.І. Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін Вялікага княства Літоўскага і Лівоніі у канцы XV-першай палове XVI стст. (сістэматызацыя і іактавы аналіз). АҚД. Мн., 2004.